

Мария Карловна КШОНДЗЕР¹

УДК 82-94

**БИОГРАФИЧЕСКИЙ КАНОН И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА
«ШУМ ВРЕМЕНИ»**

¹ доктор филологических наук,
руководитель литературного общества «Арион» (г. Любек, Германия)
mkkshondzer@googlemail.com

Аннотация

Культура Серебряного века — это поиски новых форм в литературе, поэзии и живописи. Эго-документы особенно ярко отражают модернистские тенденции таких жанров, как дневники, эпистолярии, автобиографии и т. д. Автобиографическая проза Осипа Мандельштама «Шум времени» — это попытка творческого самовыражения поэта, его стремление объяснить мир непосредственно через собственное восприятие. Прямое авторское слово позволяет находить новые формы общения с читателем: ассоциативность повествования, особые отношения с текстом, когда читатель как бы восстанавливает упущенные подтекстовые моменты, а «звучащий слепок формы» сам становится содержанием. Основа автобиографической прозы Мандельштама — авторские размышления, передающие состояние личности, находящейся в социокультурном пространстве и стремящейся объективироваться, уйти от собственной биографии и «следить за шумом и прорастанием времени».

Ключевые слова

Автобиографический канон, творческое самовыражение, подтекст, ассоциативность, мировосприятие.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-59-68

Цитирование: Кшондзер М. К. Биографический канон и его преодоление в автобиографической прозе Осипа Мандельштама «Шум времени» / М. К. Кшондзер // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 3 (31). С. 59-68.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-59-68

Введение

Биографическая и автобиографическая проза, эго-документы, эпистолярные стали одним из приоритетных направлений в современном литературном процессе, что определило интерес исследователей к изучению данного феномена. Научный анализ автобиографических текстов актуален для литературоведческой науки прежде всего в плане самоидентификации автора, необходимости выявления некоего субъектного феномена, образа «я» при особом отношении «я» с «другими».

Основными признаками автобиографической прозы принято считать «субъективность и ретроспективность изложения; воссоздание жизненных явлений с позиций временной дистанции от описываемой реальности» [10, с. 4]. Авторское «я» в автобиографических произведениях выявляет себя через воспоминания, посредством отбора особо значимых событий или переживаний, непосредственно связанных с временной организацией текста:

«Память автобиографического героя формируется из отрывочных фрагментов, которые могут иметь различные пространственно-временные координаты. Писатель стремится преодолеть власть времени, сделать его обратимым, остановить его отдельные мгновения с помощью воспоминаний» [10, с. 8].

Продолжая традиции русской эпистолярной школы, эго-документы Серебряного века в то же время внесли в нее кардинально новые элементы, связанные с социокультурными обстоятельствами, повлиявшими на создание автобиографической прозы. Особый интерес для анализа представляет проза поэтов, в которой явственно отразились тенденции модернистской литературы начала XX в., в частности словоцентризм Серебряного века, проза «потока сознания» М. Пруста и Д. Джойса, философские концепции начала XX в. [11, с. 5]. Особенности прозы поэтов первым выявил Р. Якобсон [13], а французский исследователь Ж. Бло связывает характерные особенности поэтической прозы начала XX в. с исчерпанностью содержательных возможностей прозы XIX в., что неизбежно приводит к поискам новых форм,

«к чрезмерной по густоте образности, метафоризации, изощренности в выборе средств художественной изобразительности, т. е. ко всему тому, что было характерно только для поэзии и что мощным потоком хлынуло в прозу XX века» [11, с. 9].

Словоцентризм стал одним из основных составляющих поэтической прозы Серебряного века и определил дальнейшее развитие модернистской литературы XX в. Теория А. Потебни о слове как самодовлеющей величине, обладающей внутренней формой и сохранившей связь с первосмыслом, стала основополагающей для многих поэтов Серебряного века, в том числе и для Мандельштама, слово у которого — это синтез формы и содержания, основа культуры, противостоящей хаосу:

«Слово — Психея. Живое слово не обозначает предметы, а свободно выбирает... ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело» [8, с. 171].

По справедливому мнению И. Бродского,

«Мандельштам является поэтом формы в самом высоком смысле слова. Для него стихотворение начинается звуком, „звучащим слепком формы“, как он сам называл его» [2, с. 194].

В прозе Мандельштама форма также является смыслообразующим элементом, она «выжимается из содержания-концепции, которое ее как бы облекает» [7, с. 120].

Историчность «Шума времени»

Автобиографическая проза Мандельштама «Шум времени», опубликованная в 1925 г., — яркий пример самореализации поэта в прозе, свидетельство очевидца эпохи конца XIX и начала XX в. Это импрессионистические зарисовки, в которых явственно ощущается социокультурная атмосфера эпохи, воспринимаемая сквозь призму поэтического мироощущения автора. Новаторство поэта в «Шуме времени» было признано уже его современниками. Так, Г. Фиш в своей рецензии «Режиссер Галкин в центре мира» назвал эту прозу Мандельштама «автобиографией акмеизма», обращая внимание на особую композицию произведения, в котором форма и содержание существуют как единое целое, а ощущение связи слова и вещи помогает создать особые отношения автора с текстом [8, с. 380].

Соотношение личного и эпохального, истории и ее интерпретации в автобиографической прозе — одна из сложнейших и интереснейших проблем для анализа. Согласно определению Ральфа Дутли, одного из глубоких исследователей творчества Мандельштама,

«„Шум времени“ — это сгусток целой эпохи, совокупность деталей, которые кажутся подчас диковинными, портрет дореволюционной России, воссоздающий атмосферу того времени, „болезненное спокойствие“ накануне великой бури — революционных потрясений XX века. Мандельштам не предается ностальгии по прошлому. Старая Россия должна была рухнуть — в этом нет никаких сомнений. Отказ от ностальгии сопровождается отказом от „автобиографии“, от повествования о самом себе...» [5].

Сам Мандельштам неоднократно подчеркивал, что его задача — «говорить не о себе, а следить за веком, за шумом и прорастанием времени», что его память — это память разночинца, которая враждебна всему личному и «работает она не над воспроизведением, а над отстранением прошлого» [8, с. 41]. Не случайно в ответах на анкету журнала «Читатель и писатель» он писал о потере личной биографии в результате революции как о положительном начале:

«Октябрьская революция не могла не повлиять на мою работу, так как отняла у меня „биографию“, ощущение личной значимости. Я благодарен ей за то, что она раз навсегда положила конец духовной обеспеченности и существованию на культурную ренту...» [цит. по: 12, с. 10].

Сознательное отстранение от собственной биографии связано у Мандельштама с «изменившимся статусом личности» [12, с. 10] в XX в. В статье «Конец романа» он говорит о кардинальном изменении традиционных форм романа в европейской литературе, связанном с «катастрофической гибелью» биографии:

«Дальнейшая судьба романа будет не чем иным, как историей распыления биографии, как формы личного существования...

...Композиционная мера романа — человеческая биография. Человеческая жизнь еще не есть биография и не дает позвоночника роману» [7, с. 74].

Как видно из высказываний автора, он старается преодолеть личную биографию и заменить ее «шумом времени», т. е. изображением реальных исторических событий. Однако эти утверждения носят в какой-то мере декларативный характер и требуют более детального рассмотрения в контексте самих произведений Мандельштама. На противоречия между попыткой объективного анализа событий и субъективным взглядом на них указывает Ю. Айхенвальд в двух рецензиях на «Шум времени». В первой рецензии он отмечает:

«Каждый имеет право на самого себя, каждый субъект может быть субъективен; но имеет право на себя и история, а вот ее Мандельштам хочет насильственно уложить в притязательные рамки своих личных восприятий. Его книга не история, а биография, и она исторична лишь постольку, поскольку с историей связана всякая биография. Замечательно при этом, что наш ранний мемуарист вовсе не хочет быть биографичным, не хочет говорить о себе, а хочет „следить за веком, за шумом и прорастанием времени“...» [8, с. 383].

Во второй Айхенвальд еще более категорично высказывается о несоответствии между замыслом автора и его воплощением:

«Историю нельзя редактировать. Однако именно подобное предприятие замышляет Мандельштам: он историю редактирует, он ее поправляет, он ее стилизует, — и она выскальзывает из его искусных рук... Шум времени — да, его Мандельштам услышал... но прорастание времени — нет, его Мандельштам не услышал, и как под шумом, судя по его собственным словам, он понимает как раз прорастание, т. е. процесс тихий, процесс для нас немой, то явно, что он впадает в недоразумение и своего намерения не осуществляет» [8, с. 384].

Безусловно, Айхенвальд во многом справедливо утверждает, что Мандельштам стилизует историю, пытается «уложить» ее в рамки собственного восприятия.

Действительно, любая биография так или иначе связана с историей, однако в художественно-публицистической прозе, особенно если это лирическая проза поэта, очень важно соотношение субъективного и объективного начал. Личность автора для читателей и исследователей не менее важна, чем описываемый отрезок времени, ибо это не сухое изложение событий и фактов, а их видение сквозь призму авторского мировосприятия. Мандельштам постоянно декларирует свою отстраненность от личных впечатлений и переживаний, он говорит о враждебности своей памяти, которая пытается отстраниться от косноязычности своего времени и своего происхождения, однако вся его проза насквозь автобиографична и во многом противоречит его же высказываниям.

«Шум времени» — это именно авторская проза, в которой личность автора играет определяющую роль и соединяет в единое целое, казалось бы, мозаичные отрывки, не имеющие общего сюжета и композиции. Жанр мемуарно-автобиографической прозы требует новой формы повествования и новой образной структуры, в которой голоса формирующейся личности персонажа и повествователя сливаются воедино [4].

Поэтичность «Шума времени»

Бродский назвал Мандельштама поэтом формы «в самом высоком смысле слова», т. е. форма определяет содержание, а содержание само по себе является формой. Эта особенность прозы и создает особые отношения автора с текстом, диктует обращенность к внутреннему миру человека посредством воспроизведения размытых воспоминаний на общем социокультурном фоне. В «Шуме времени» условно можно выделить несколько уровней, на которых строится повествование: первый, поверхностный — это Петербург, иудейство и воздух эпохи, создаваемый описанием конкретных событий; второй, глубинный — постигаемый через размышления автора — очевидца событий, и третий, основной — по меткому определению того же Айхенвальда, это уровень «самодовлеющей словесности», которая «шум времени претворяет в строгие колоннады и кариатиды полнозвучных и важных и неожиданных слов» [8, с. 383].

Уже в первых главах прозы ощущается стремление автора отстраниться от личных оценок и передавать лишь обстановку 90-х годов XIX в.,

«их медленное оползание, их болезненное спокойствие, их глубокий провинциализм — тихую заводь: последнее убежище умирающего века» [8, с. 6].

Однако, описывая разрозненные картины социокультурной среды своего времени, автор постоянно напоминает читателю, что это его личные впечатления, связанные с особенностями рождения и биографии, поэтому объективно текст воспринимается в первую очередь как воспоминания конкретного человека, переживающего внутреннее раздвоение между пышностью императорского Петербурга и «хаосом иудейским», окружавшим его в семье. Всё повествование строится на попытке преодоления биографического начала, и в то же время

наибольший интерес представляют именно те главы, в которых история подается сквозь призму авторского мировидения. Противоречивость авторской позиции определяет сложность анализа и подчас не позволяет провести четкую грань между исторической достоверностью и ее личностным отражением в «Шуме времени».

Для понимания внутреннего мира автора и его отношения к эпохе особенно следует остановиться на главе «Книжный шкаф», в которой Мандельштам описывает библиотеку своего детства, воплотившую в себе, с одной стороны, «историю духовного напряжения целого рода», а с другой — сыгравшую большую роль в культурном становлении поэта. Не случайно в главе «Комиссаржевская» Мандельштам называет книги основной составляющей биографии разнотинца, способной заменить память и исторические традиции. Для поэта книги его детства четко ассоциировались с материнским и отцовским началом, существовавшими порознь и определившими противоречивость и драматизм всей жизни. Пятикнижие и талмуд отцовского «хаоса иудейского» наряду с немецкими изданиями Гете и Шиллера соседствовали в книжном шкафу с материнскими русскими книгами — от Пушкина, Тургенева и Достоевского до Надсона, ставшего символом поколения [8, с. 13-17].

Надсон предстает в прозе Мандельштама культовой фигурой, дающей ключ к пониманию загадок эпохи. Понимая несовершенство Надсона как поэта, Мандельштам в то же время считает его неким камертоном поколения, выразившим его стремления и чаяния, определившим его «непонятый звук». В какой-то мере судьба Надсона была созвучна судьбе самого Мандельштама: оба были выходцами из еврейской среды, оба стали русскими поэтами, пытавшимися разгадать загадки русской культуры, оба стали «искупительными жертвами» трагической русской истории. Задавая риторический вопрос о том, кто же на самом деле «этот юноша с вдохновенным зачесом волос», который стал иконой, «истуканом учащейся молодежи», Мандельштам неслучайно называет студенческую молодежь «избранным народом неких столетий» [8, с. 15-16], тем самым подспудно намекая на иудейское происхождение Надсона. В результате лирическое «я» автора создает особые отношения читателя с текстом, когда многое остается в подтексте и восстанавливается в контексте общей концепции повествования. Мозаичность изложения особенно отчетливо проявляется в чередовании глав, казалось бы, не связанных между собой сюжетно и в то же время создающих общий фон эпохи, воспринимаемой сквозь призму настроений и переживаний автора. «Музыка в Павловске», «Книжный шкаф», «Финляндия», «Хаос иудейский», «Тенишевское училище», «Семья Синани», «Комиссаржевская» — столь разнородные понятия и мировоззренческие категории, отраженные в этих заголовках глав, способны существовать только в атмосфере сопонимания автора и читателя, когда читатель самостоятельно восстанавливает упущенные моменты и объединяет калейдоскоп имен и событий в единое целое. Так биография автора причудливым образом

объективируется, «эпизируется», отражая состояние личности, стремящейся быть независимой от личных, субъективных оценок и в то же время постоянно обращенной к своему внутреннему миру.

Пульсация времени слышна в каждой главе. Так, в главе «Финляндия» Мандельштам рассуждает об особом значении Финляндии как свободной страны, в которую ездят «додумать то, чего нельзя было додумать в Петербурге» [8, с. 17].

В главе «Семья Синани» поэт объясняет истоки и становление своих литературных пристрастий той поры:

«В ту пору в моей голове как-то уживались модернизм и символизм с самой свирепой надсоновщиной и стихами из „Русского богатства“. Блок уже был прочтен, включая „Балаганчик“, и отлично уживался с гражданскими мотивами и всей этой тарабарской поэзией» [8, с. 39].

В программной главе из «Шума времени» — «Комиссаржевская» — поэт говорит об основополагающих для него понятиях: о «шуме времени», стремлении быть «с веком наравне», преодолении «косноязычья рождения» и обретении подлинного языка, о революции, жизни и смерти и, наконец, об искусстве, которое способно противостоять смерти. Подчеркнуто декларируя отстраненность от всего личного, свою косноязычность, обусловленную, с одной стороны, происхождением, а с другой — самой эпохой, которая вместила в себя и «лепет», и «величие», Мандельштам одновременно ориентирует читателя на свое восприятие событий. Чрезвычайно интересны его размышления о революции, пронизанные чисто субъективным восприятием ее монументальности и в то же время непостижимости:

«Революция — сама и жизнь, и смерть и терпеть не может, когда при ней судачат о жизни и смерти. У нее пересохшее от жажды горло, но она не примет ни одной капли влаги из чужих рук. Природа — революция — вечная жажда, воспаленность... Для революции характерна эта боязнь, этот страх получить что-нибудь из чужих рук, она не смеет, она боится подойти к источникам бытия.

Но что сделали для нее эти „источники бытия“? Куда как равнодушно текли их круглые волны! Для себя они текли, для себя соединялись в потоки, для себя закипали в ключ! („Для меня, для меня, для меня“, — говорит революция. „Сам по себе, сам по себе, сам по себе“, — отвечает мир.)» [8, с. 42].

В этом неразрешимом противоречии (революция и мир, личность и социум, лирическое «я» автора и эпический фон эпохи), на наш взгляд, и состоит суть автобиографической прозы Мандельштама, в частности «Шума времени», когда «звучащий слепок формы» сам становится содержанием, а авторские размышления, передающие состояние личности, находящейся в социокультурном пространстве и стремящейся объективироваться, создают особую поэтическую прозу, основу которой составляет слово как самодовлеющая величина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бло Ж. Набоков / Ж. Бло. СПб., 2000. 265 с.
2. Бродский И. А. Меньше единицы. Избранные эссе: пер. с англ. / И. А. Бродский. М.: Независимая газета, 1999. 469 с.
3. Гаспаров М. Л. Поэт и культура. Три поэтики Осипа Мандельштама / М. Л. Гаспаров // De visu. 1993. № 10. С. 39-70.
4. Гурвич-Лицинер С. Д. «Шум времени». Своеобразие мемуарного жанра О. Мандельштама / С. Д. Гурвич-Лицинер. URL: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/103456/1_SlavicaLitteraria_11-2008-2_3.pdf?sequence=1 (дата обращения: 20.06.2022).
5. Дутли Р. Осип Мандельштам. Век мой, зверь мой. Опыт биографии / Р. Дутли. М.: Академический проект, 2005. URL: https://pnu.edu.ru/media/filer_public/f7/bf/f7bf9f55-5b64-44cc-b94d-dc9503751c60/galf_dutli.pdf (дата обращения: 20.06.2022).
6. Жолковский А. К. Работы по поэтике выразительности. Инварианты. Тема — Приемы — Текст / А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
7. Мандельштам О. Э. Слово и культура: статьи / О. Э. Мандельштам. М.: Советский писатель, 1987. 320 с.
8. Мандельштам О. Э. Сочинения: в 2 т. / О. Э. Мандельштам. М.: Художественная литература, 1990. Том 2: Проза. 464 с.
9. Мец А. Г. Осип Мандельштам и его время: анализ текстов / А. Г. Мец. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Интернет-издание, 2011. 140 с.
10. Новокрещенных Е. Г. Поэтика автобиографической прозы русских поэтов второй половины XIX в.: А. А. Григорьева, Я. П. Полонского, А. А. Фета: дисс. ... канд. филол. наук / Е. Г. Новокрещенных. Улан-Удэ, 2008. 176 с.
11. Пелихова А. А. Проза О. Э. Мандельштама и Б. Л. Пастернака 1920-х годов: типологические особенности и образная структура: дисс. ... канд. филол. наук / А. А. Пелихова. Улан-Удэ, 2004. 161 с.
12. Поляков М. Я. Критическая проза О. Мандельштама / М. Я. Поляков // Слово и культура: статьи / О. Э. Мандельштам. М.: Советский писатель, 1987. С. 3-36.
13. Якобсон Р. О. Работы по поэтике / Р. О. Якобсон. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

Maria K. KSHONDZER¹

UDC 82-94

**THE BIOGRAPHICAL CANON AND ITS OVERCOMING
IN OSIP MANDELSTAM'S AUTOBIOGRAPHICAL PROSE
"THE NOISE OF TIME"**

¹ Dr. Sci. (Philol.), Head of the Literary Society "Arion" (Lubeck, Germany)
mkkshondzer@googlemail.com

Abstract

The Silver age culture involves the search for new forms in literature, poetry, and painting. Ego-documents reflect modernist trends particularly vividly in genres, such as diaries, epistolaries, and autobiographies, among others. Osip Mandelstam's autobiographical prose "Noise of Time" is an attempt of the poet's creative self-expression, his desire to explain the world directly — through his own perception. Author's direct word shows new forms of communication with the reader: associativity of the narrative, a special relationship with the text, when the reader as if restores the lost subtext moments, while the "sounding mold form" itself becomes the content. The foundations for Mandelstam's autobiographical prose are his reflections that convey the state of the person staying in the socio-cultural space and seeking to objectify, to get away from his own biography and "to monitor the noise and germination of time".

Keywords

Autobiographical canon, creative self-expression, subtext, associativity, worldview.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-59-68

REFERENCES

1. Blaeu J. 2000. Nabokov. St. Petersburg. 265 pp. [In Russian]
2. Brodsky I. A. 1999. Less than One. Selected Essays: translated from English. Moscow: Nezavisimaya gazeta. 469 pp. [In Russian]

Citation: Kshondzer M. K. 2022. "The biographical canon and its overcoming in Osip Mandelstam's autobiographical prose 'The Noise of Time'". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 3 (31), pp. 59-68.
DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-59-68

3. Gasparov M. L. 1993. "The poet and culture. Three poetics of Osip Mandelshtam". *De visu*, no. 10, pp. 39-70. [In Russian]
4. Gurvich-Lishiner S. D. "The noise of Time". Peculiarity of O. Mandelstam's Memoir Genre. Accessed 20 June 2022. https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/103456/1_SlavicaLitteraria_11-2008-2_3.pdf?sequence=1 [In Russian]
5. Dutley R. 2005. *Osip Mandelstam. My Century, My Beast. Experience of Biography*. Moscow: Academic Project. Accessed 20 June 2022. https://pnu.edu.ru/media/filer_public/f7/bf/f7bf9f55-5b64-44cc-b94d-dc9503751c60/ralf_dutli.pdf [In Russian]
6. Zholkovsky A. K., Shcheglov Yu. K. 1996. *Works on the Poetics of Expression. Invariants. Subject-Methods-Text*. Moscow: Progress. 344 pp. [In Russian]
7. Mandelstam O. E. 1987. *The Word and Culture: Articles*. Moscow: Soviet writer. 320 pp. [In Russian]
8. Mandelstam O. E. 1990. *Completed Works in 2 vols. Vol. 2: Prose*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 464 pp. [In Russian]
9. Metz A. G. 2011. *Osip Mandelstam and His Time: Analysis of Texts*. 2nd edition, revised. St. Petersburg: Internet-izdanie. 140 pp. [In Russian]
10. Novokreshchennykh E. G. 2008. "Poetics of Autobiographical Prose of Russian Poets of the Second Half of the 19th Century: A. A. Grigoriev, Ya. P. Polonsky, A. A. Fet". Cand. Sci. (Philol.) diss. Ulan-Ude. 176 pp. [In Russian]
11. Pelikhova A. A. 2004. "Prose of O. E. Mandelstam and B. L. Pasternak in the 1920s: typological features and figurative structure". Cand. Sci. (Philol.) diss. Ulan-Ude. 161 pp. [In Russian]
12. Poliakov M. Ya. 1987. "Critical prose of O. Mandelstam". In: Mandelstam O. E. *The Word and Culture: Articles*, pp. 3-36. Moscow: Sovetskiy pisatel. [In Russian]
13. Yakobson R. O. 1987. *Works on Poetics*. Moscow: Progress. 464 pp. [In Russian]